

Цена 50 р. № 5 (7) Ноябрь 1920 г. „В борьбе обретешь ты право свое!“

„ЗНАМЯ“

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ НАУКИ, ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

Издание Ц. О. Б. партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов).

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 5 — 7 веч. Москва, Страстной бульвар, д. № 2.

Содержание: Ко всем организациям и членам партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). **О. Л. Чижиков.** — Партия левых соц.-рев. и коммунизм. **И. З. Штейнберг.** — Большинство или меньшинство? **В. Е. Трутовский.** — Аграрная программа германских спартаков. **Я. М. Фишман.** — Социалистическое движение в Италии. **Сергей Есенин, Александр Святогор.** — Стихи. **Иванов-Разумник.** — О пролетарской культуре и цивилизации. **Андрей Белый.** — Прыжок в царство свободы. — Новости искусства и литературы за границей. Библиография. От редакции.

КО ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ЧЛЕНАМ ПАРТИИ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ).

Уважаемые товарищи! Уже давно в нашей партии существуют серьезнейшие разногласия по тактическим вопросам. Правда, в октябре 1919 г. в Ц. К. было принято циркулярное письмо, объединившее все течения партии на почве отказа от вооруженной борьбы с правительственной партией коммунистов. Однако, при дальнейшем переходе к построению положительной тактической линии партии, обнаружались две совершенно непримиримых между собою позиции. Непримиримость эта с неизбежностью привела вконец и к организационному размежеванию в пределах Ц. К. Большинство Ц. К. в резолюциях своих от апреля (по общим вопросам) и мая (в связи с польским наступлением) установило основные линии своей позиции: не только недопустимость вооруженной борьбы с существующей правительственной властью, но и активное участие в жизни Советской России, призыв к трудящимся и членам партии о борьбе с наступающими контр-революционными силами, поддержка Красной Армии в этой борьбе, участие в социальном строительстве и преодолении внутренней разрухи.

В виду заявления части членов Ц. К. о неподчинении их указанной позиции, большинство Ц. К. образовало самостоятельный организационный центр, опубликовав от своего имени свои руководящие резолюции и дав на место директиву об организационном размежевании. Специальным постановлением от 12 июля Ц. К. (большинства) отмежевался от «Комитета Центральной Области» и его печатных произведений, заявив: 1) что эти печатные заявления (разные листовки, газ. «Знамя Труда») не выражают ни в какой мере его взглядов и 2) что «Ком. Центр. Обл.» не является партийной организацией, связанной организационно с Ц. К. (большинства). Однако, дальнейшее развитие партийных отношений привело к фактической невозможности существования Ц. К. (большинства). Распад Ц. К. (б-ва), на фоне тяжелой дезорганизации партии, происходившей в течении истекших двух лет, грозил дальнейшим распадом левонароднических революционных сил. Вместе с тем является несомненным, что рядом с все усиливающимся организационным распадом партии шло и идет все большее оформление левонароднических программных построений, все большее их приближение к насущным интересам и идеалам трудящихся масс не только России, но и Запада. Это искусственно

Я не думаю, что преувеличу, если скажу, что из 100 человек 90 шипят.

И невольно напрашивается деление массы людей на «шипящих» и «пыхтящих».

Шипящие — это змеи, которые, ненавидят все окружающее, ненавидят все, что совершилось; они шипят (как шипит один большой русский писатель): «пус-с-сто мес-с-сто» все провалилось, все рухнуло, место пусто, ужас и ночь.

Этих шипящих очень много среди нас, мы ими окружены, и новое творчество, новый строй форм культуры идет под этот непрерывный свист.

Но, относясь совершенно определенно к тому шипу и свисту, нужно определенно отнестись и к тем, которых можно назвать «пыхтящими».

Пыхтящие — это те идеологи пролетариата, те лягушки из басни Крылова, которые хотят раздуться до буржуазного вола.

«Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я с тобой». Нет еще — «И вот пыхтела да пыхтела», — конец басни Крылова не будет ли в самом современном «идеологов пролетариата», которые думают что творчество культурных ценностей уже в настоящее время чуть-чуть не завершено.

Все это попытки сравниться с буржуазным волом, который, по мнению этих представителей пролетарской цивилизации, уже подымет, если не сдох, во всей Европе.

Но зачем же надуваться, пыхтеть и сравниться с тем, что, может-быть, является уже мертвым телом.

Это пыхтение и желание раздуться до размеров буржуазного вола есть другая сторона мейнстримного шипения и тоже подложит самому тщательному осуждению, ибо мы должны признать, что раздуться в настоящее время вола этим людям нет никакой возможности и никаких надежд на ближайшее будущее.

Ибо посмотрите, в какие формы вливается то, что считается в настоящее время «пролетарским искусством».

Это самый последний сорт всего того, что когда-то ютилось на столбцах самых захудалых буржуазных газет.

Есть отрядные исключения, есть несколько подлинно даровитых поэтов, есть несколько талантливых людей; но они не «раздувают-

ся», раздуваются всегда только те, которые по величине своей не могут сравниться с волом.

Резюмируя вкратце, скажу следующее: в «пролетарскую культуру» я не верю и таковой не знаю, также как не знаю и «культуры буржуазной»; в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смытом месте нечто новое, нечто свое, в формах, которые мы теперь ясно представить не можем.

Но в культуру, не буржуазную и не пролетарскую, я глубоко верю, верю в то творчество, которое пойдет не по классовым рубрикам, а которое вольно, ибо дышет, где хочет; и творчество это будет и не пролетарским и не буржуазным, оно будет народным.

А дальнейший этап, который мы еще и предвидеть не можем, который так далек, что мы теряемся в исторических перспективах, — творчество уже не народное, а творчество всенародное, в буквальном смысле интернациональное, творчество не русское, не немецкое, не французское, творчество объединенного человечества.

К этому история мира идет, к этому, может быть, когда-нибудь она придет.

Когда мы говорили о пролетарской культуре или цивилизации, нужно все-таки точно определить: о чем идет речь.

Если речь идет о внешних формах строительства, то для пролетариата тут такая же широкая дорога, какая была в свое время у буржуазии; пролетариат эту дорогу себе пробьет.

Если же речь идет о внутреннем содержании строительства, то и здесь пролетариату открыт широчайший путь, но не как классу, а как творческому началу одного общего великого целого — великого народа.

Иванов-Разумнин.

ПРЫЖОК В ЦАРСТВО СВОБОДЫ.

Со стороны одной части общества мы слышим: пролетарская культура есть именно та культура грядущего, которая раскроет нам то, что в условиях современной действительности, пока в мире существует буржуазный строй, останется закрытым; а со стороны другой части общества мы имеем целый ряд ка-

теоретических утверждений, отрицающих самую постановку вопросов о пролетарской культуре, потому что пролетариат есть класс и как класс среди классов развивает свое отношение к действительности; между тем культура мыслится многими, как нечто общечеловеческое, как нечто выходящее из рамок классов.

Думается мне, что в зависимости от того, как будем мы брать тему «пролетарская культура», как будем ставить самый вопрос о пролетариате и культуре, мы придем к многообразным ответам.

Мои замечания не будут касаться утверждения или отрицания пролетарской культуры; они будут касаться скорее целого ряда недоразумений, которые надо устранить.

Все мы знаем утверждения, что пролетариат несет нам царство свободы и что переход к будущему социалистическому строю есть переход от необходимости к свободе, что весь наш строй обусловлен необходимостью, так что мы не можем представить себе свободного развития того строя, который должен сменить существующий строй.

Таким образом, картина будущего социалистического человечества, встающая перед нами, является как бы скрытой флером представлений о необходимости, вписанных нашей собственной кровью и плотью; и таким образом, это царство свободы, является никак не вскрываемым, никак неопределяемым.

При такой постановке проблемы, мы имеем право себе задать ряд вопросов.

Если царство свободы не определяемо в условиях нашей действительности, то оно представляется нам не как нечто реально раскрывающееся, а как нечто, при помощи чего мы отрицательно определяем свое отношение к современной действительности; и первый вопрос, тут встающий — таков: есть ли царство свободы нечто реальное, конкретное, что имеет свое действительное содержание или это, как говорят в философии, постулат, т.-е. последнее завершение наших представлений и притом совершенно абстрактное.

Царство свободы противопоставляется необходимости; вся старая культура, породившая уродства буржуазной культуры, признается царством необходимости, царством несвободы, и упразднение этого царства раскроет другую культуру, культуру свободы.

И вот, спрашивается, откуда разовьется эта свобода? Есть ли культура свободы действительно нечто конкретное, а не только теоретический ход мысли, показывающий, что здесь обрываются наши конкретные представления. Из ничего может развиваться только ничто. Стало быть если мы думаем, что революция ведет нас в конкретное царство свободы, мы должны положить, что некоторые начатки этого конкретного царства в нас заложены.

Это один вопрос.

Другой вопрос встает перед нами, когда мы сосредоточиваем наше внимание на необходимости. Если в современном строе господствует необходимость, то, ведь, и пролетариат является следствием этой необходимости; он есть показатель распада и разложения, внесенных буржуазной культурой — стало быть, пролетариат не является вовсе тем классом, который нас вводит в раскрывающуюся свободу; или пролетариат, упраздняя необходимость, но сам являясь порождением необходимости, упраздняет сам себя; необходимость ликвидирует в пролетариате сама себя.

Так или этак, но думается мне, что оба решения при всей их ясности страдают абстрактностью.

Прежде всего, представление о необходимости и свободе, рождаемой из ничего, не может нас удовлетворить.

Если действительно пролетариат проводит нас через Фермопильское ущелье, периода диктатуры пролетариата, то он же выводит нас в долину, где человечество встречается уже по иному: для позитивной работы и для культурного творчества. Стало быть в пролетариате есть значительная сила, какие-то особые, благоприятные условия для мучительного перехода к раскрытию человеческой свободы; свобода и в нашем строе как-то загадочна, но связана условиями механической жизни, т.-е. ненормальным ростом промышленности.

Таким образом следует полагать: пролетариат в силу классовых условий приближается к всечеловечеству; он является носителем всечеловеческого идеала, оставаясь классом.

При такой постановке вопроса следует представить себе двойственность пролетариата — с одной стороны в пролетариате есть нечто, противоположное классам; с другой стороны пролетариат есть класс среди классов; взятие пролетариата как класса не

является ли порождением царства необходимости, которое упраздняется?

Следует остановиться и на другом. Теоретики социализма говорят про организующие способности пролетариата (история есть процесс организации). С этой точки зрения разные исторические периоды суть периоды организаторские, и все человечество в конце исторического процесса — явится организованным коллективом; такой коллектив и кладется в основу представления о социалистическом строе.

Организация, связь индивидуумов полагается теоретиками социализма в основу будущего строя. Но тут же в основу истории кладется представление о механической необходимости. Механика есть нечто диаметрально противоположное организму. Таким образом, если пролетариат несет в себе идеал свободы, которая мыслима, как органическое развитие способностей к свободному соединению человеческих индивидуальностей в общерабочем деле труда и творчества тогда как раз представление о человечестве, как механизме, будет представлением, внесенным из царства необходимости, из буржуазной культуры, представляющей историю как пожирать механизм живой индивидуальности. У многих теоретиков, для которых пролетариат есть символ будущего, ярко выражен взгляд на развитие человечества, как механизма, законы исторической необходимости, будучи определяемы чисто материальными потребностями человека, механически подвигают нас к свободе. В идеологии марксизма, кладущей механический метод в основу своих представлений, многое заимствовано у буржуазной культуры, которую опрокинет пролетариат; идея необходимости, рока связанности в различных мировоззрениях современности выплывает культуру, обреченную на гибель; возникает вопрос (его и было бы желательно выдвинуть) в какой мере взгляд на историю, как на процесс постепенной организации, соединим с детерминистическими представлениями некоторых теоретиков социализма.

Если мы положим необходимость в основу наших представлений, то мы должны заявить: в необходимости не может быть революции; эволюция есть основа самой революции.

Революция — эпизод эволюционной истории; если капиталистическое производство, развиваясь с необходимостью порождает свою

ликвидацию, то смысл социальной революции, т. е. обобществления орудий производства, является лишь эволюционным завершением этапа которого огромного периода, последним этапом революции; тогда почему же мы называем социальную революцию — революцией, когда мыслим ее эволюционно.

При таком взгляде социальная революция не может нам вскрыть положительно культуру свободы; и таким образом, пролетариат, как последнее звено в эволюции человечества, есть лишь класс, развешивающий все гнилое и не создающий нового.

Итак, если мы положим механический взгляд на человека и на историю человечества, то мы должны будем сказать, что пролетарская культура не есть культура нова, а последний этап культуры старой. Я не разделяю этого взгляда; я только подчеркиваю: такая точка зрения исходит из намеченных идеологических предпосылок. Она подчеркивает ликвидирующее значение пролетариата, как класса, который путем организационной борьбы ликвидирует наши представления о культуре.

Такой взгляд влагает в пролетарскую культуру чисто милитарный смысл, — пролетарская культура есть та, которая заманивает борьбу; она ликвидирует, кончает, она оттачивает орудия борьбы; в таком случае пролетарская культура противоречит общим представлениям о культуре, как о начале организующем и соединяющем; тогда пролетарский милитаризм, ограничивающий и суживающий представления о пролетарской культуре, в представлении о культуре класса ныне существующего, не может связаться с представлением о культуре будущего; о той культуре, которая может быть развитой только тогда, когда человечество будет освобождено от классовых предрассудков. Выдвигается и другой взгляд, противопоставляющий себя взгляду, только-что указанному.

Указывают на то, что задачей пролетарской культуры не является ликвидация продуктов культуры; если всю культуру, организованную буржуазией, необходимо сдать в архив, то мы должны сдать в архив и все наши собственные представления о пролетарской культуре вместе с произведениями искусства. Задача пролетариата не в том, чтобы быть культурой милитарной,

ликвидирующей нашу культуру; пролетариат должен высвободить эту культуру из буржуазных оков.

С точки зрения, этих представлений, буржуй это тот, у которого верхняя одежда и нижняя, пролетарий тот, у которого нижняя одежда, но и под нижней одеждой есть человеческое тело без одежды.

Может быть, там, где начинается человеческое, по существу человеческое, там и начинаются представления о подлинной, не извращенной необходимости, свободной культуре; пролетариат и ставит задачей себе выявить эту свободу; она в нас загадана и, может быть, не имеет своих выражений, поднимаясь как музыка в душе.

Я полагаю, что многое в устремлениях пролетарского сознания следует отнести к свободе, высвобождающей в человеке — человека по существу: пролетариат, имея свой смысл, как класс боевой, имеет, может быть, другой, второй смысл, воистину человеческий смысл. Царство свободы, прыжок в которое из необходимости изображает Энгельс, в нас нашими предвзятыми догматами задавлено.

Пролетариат в устремлении к всечеловеческой культуре является дверью, вскрывающей как раз сторону культуры, которая до сих пор остается не буржуазной, не дворянской и не пролетарской, а человеческой.

В пролетарском мировоззрении нас встречает нечто динамическое; трудовое царство, противопоставляемое царству капитала, есть царство динамики, энергии, действия, а не царство золотых вещей.

Произведения культуры динамичны: картина имеет не три измерения; четвертое измерение ее есть все то, что она будит в душе; она динамический круговорот переживаний; трудовая идеология, как динамическая, противопоставляется идеологии статической, но в трудовой идеологии еще не выяснено понятие действия; человек есть человек трудящийся, активный, не почивший на лаврах; нужно вскрыть теперь трудовое действие; в чем оно проявляется.

Есть ли труд — бремя связывающее человека, или, наоборот будущее раскрытие труда преобразует его в творчество.

Мировоззрение трудовое должно еще углубить понятие трудовых действий; на них ведь оно строит царство свое: есть ли трудовое

действие общеобязательный государственный кулут, который всех одинаково приневоливает, или же наоборот, оно есть свободное излучение человеческого творчества.

А будущее царство культуры нами и мыслимо, как царство творчества, где индивидуумы соединяются в коллектив для всеобщего творения бесконечных ценностей.

Представление о таком творчестве, о такой культуре противопоставляется другим взглядам на культуру так, как в искусствах музыка противопоставляется другим искусствам: в музыке мы имеем нечто, возбуждающее нашу душу, нечто, говорящее нам, в других искусствах мы имеем те или иные образы, то или иное связанное с материей.

Когда мы слушаем музыкальное произведение, мы должны сказать, что музыка не связана ни с какими образными, конкретными представлениями; пролетарская культура, если она несет в себе свободу, еще не имеет своих творческих ценностей, образов, но, как музыка, она есть импульс к какому-то новому творению.

Выявить эту музыку, разбить скорлупу на творчестве, высвободить творчество из обязательного труда это и значит превратить человека в свободного гиганта, которого вся жизнь претворится в музыку; поскольку и культура его есть динамическая творческая культура; лишь начатки ее мы носим в себе; эти начатки еще не раскрыты, они нам загаданы, как невидимая музыка, движущая вперед и вперед.

Но тогда мы не можем сказать, что будущее пролетарской культуры связано именно со скачком из царства необходимости как чего-то конкретного, в царство свободы, как чего-то абстрактного, а это есть высвобождение из смутно загадочных человечеству устремлений к творчеству, освобождение этих зачатков творчества, уже в нас во всяком строе существующих, выявление их и организация жизни по законам этого творчества.

Вот какие разные представления возникают в нас, когда мы сосредоточиваем наше внимание на вопросе о пролетарской культуре.

Андрей Белый.